

Анализ сигналов из Баку о готовности к изменению регионального баланса безопасности

Комментарий Центра АРВАК, 05.07.2025

Ключевой стратегический сигнал: Заявление Э. Намазова

Наиболее радикальным из подобных сообщений стало заявление Эльдара Намазова, экс-главы Администрации Президента Азербайджана, которое стало известно 3 июля 2025 года. Намазов высказался о якобы имеющихся у Баку планах предоставить свою территорию для основания крупнейшей в регионе турецкой военной базы, а также о возможности пригласить в страну ВВС Пакистана, обладающего ядерным оружием.

Представляется маловероятным, что Э. Намазов, обладающий внушительным политическим стажем и опытом, мог по собственной инициативе озвучивать подобную информацию. Вероятнее всего, ему было поручено выступить в таком ключе, с расчетом на то, что подобное заявление будет воспринято в Москве как сигнал о готовности Баку повысить ставки и перевести российско-азербайджанский политико-дипломатический конфликт на геополитический уровень. Особое внимание в заявлении экс-главы президентской администрации привлекает упоминание пакистанского ядерного оружия. Очевидно, что это намек на то, что Азербайджан и союзная ему Турция в своей готовности к эскалации с Россией не остановятся даже перед ее «ядерным статусом», который Баку, в случае необходимости, якобы, может нивелировать за счет пакистанского союзника.

Анализ возможности размещения турецкой базы

Очевидно, что заявление Э. Намазова носит популистский характер. Однако есть основания полагать, что Баку тем самым дал понять Москве: в случае развития событий в неприемлемом для АзР русле и дальнейшего ужесточения позиции РФ, Азербайджан с помощью союзников способен инициировать пересмотр баланса сил в регионе. В этом контексте гипотетическая возможность появления турецкой базы на территории АзР достаточно высока.

Следуя логике и положениям так называемой «Шушинской декларации» о союзничестве, Турция оставляет за собой право обозначить свое военное присутствие на территории Азербайджана. Военная доктрина Баку допускает присутствие на своей территории «иностранных войск» (очевидно, речь идет о турецкой армии) в «*исключительных случаях*». Вопрос заключается в интерпретации этого расплывчатого понятия, которое Баку может применить к любой ситуации, оценив ее как угрожающую национальной безопасности, и запросить у Турции военный контингент, который та обязана будет обеспечить, исходя из положений «*Шушинской декларации*».

Технически Анкара способна в относительно короткие сроки развернуть в Азербайджане как свои военно-воздушные силы, так и сухопутные и моторизованные части. Турецкие военные уже отработали все элементы воздушной переброски и

дислокации на азербайджанских военных объектах как в ходе Карабахской войны 2020 года, так и многочисленных учений на территории союзника. Новая инфраструктура этих объектов выстроена по стандартам НАТО, а логистика интегрирована в грузинский маршрут, посредством которого Турция и Азербайджан, согласно ряду договоров с Тбилиси, могут осуществлять беспрепятственный транзит техники и средств военного назначения.

Потенциальная реакция России и скрытые договоренности

Вопрос в том, как отреагирует сама Россия на подобные действия Турции, если интерпретация Азербайджаном *«исключительного случая»* не будет адекватна сложившейся объективной ситуации «на земле». Иными словами, какая реакция последует из Москвы, если, например, Баку, ссылаясь на *«агрессивное поведение РФ»*, уже сейчас запросит у Анкары военную помощь или потребует основать на своей территории турецкие военные базы?

Очевидно, что положительный отклик Турции на подобный запрос вызовет крайне негативную реакцию Москвы и будет расценен как намерение традиционного соперника в Каспийско-Черноморском регионе, являющегося к тому же членом НАТО, расположиться на постоянной основе в зоне стратегической безопасности РФ. Это будет рассматриваться как прямой вызов Москве и ее экзистенциальным интересам, что предполагает эскалацию в сложном регионе с крайне высокой вероятностью ее перехода в прямое военное столкновение РФ и Турции. Следовательно, без учета стратегических интересов Турции и ее готовности к подобному развитию событий, Баку не в состоянии просто «принудить» подписанта *«Шушинской декларации»* к провоцирующим РФ действиям.

Судя по всему, в ходе процесса преждевременного вывода Российского миротворческого контингента (РМК) из Нагорного Карабаха весной 2024 года между российской и турецкой сторонами была достигнута негласная договоренность о взаимном отказе от принудительного или санкционированного Баку основания военных баз на территории АзР. Эту договоренность косвенно подтвердил и турецкий лидер. 26 июня 2025 года на саммите НАТО в Гааге Р. Эрдоган в ходе брифинга с журналистами заявил, что поскольку российские военные покинули Карабах, то вопрос военного присутствия Турции в Азербайджане *«более неактуален»*. Слова турецкого президента свидетельствуют о том, что вопрос основания турецких баз на территории Азербайджана напрямую связан с российским фактором, и любая иная форма давления РФ на АзР, кроме установления присутствия российских военных в этой республике, не рассматривается Анкарой в качестве угрозы суверенитету и безопасности Баку. Это не означает, что турецкий лидер гарантированно не изменит свою позицию, но свидетельствует об осторожности Анкары в геополитическом соперничестве с Москвой за непосредственное военное присутствие в Азербайджане и на Южном Кавказе в целом.

Фактор пакистанского ядерного оружия: Провокация и несовместимость

Что касается упоминания Намазовым пакистанских ВВС и ядерного оружия Исламабада, то это, по сути, откровенно провокационный ход, абсолютно противоречащий логике «ядерной геополитики» в мире и основам «ядерного консенсуса». Появление в Азербайджане тактического ядерного оружия (у Пакистана нет стратегических ядерных боезарядов) было бы равносильно объявлению войны Москве Исламабадом со всеми вытекающими последствиями. Едва ли РФ, даже находясь не в самых благоприятных с точки зрения своей оборонной готовности обстоятельствах, допустит базирование пакистанских или каких-либо иных ядерных сил у своих непосредственных границ. В данном случае речь может идти о вполне легитимных превентивных действиях Москвы против Исламабада и Баку, в том числе – с применением того же ядерного оружия.

Кроме того, озвученная Э. Намазовым «пакистанская угроза» России никак не соотносится с израильским фактором, осязаемо присутствующим в Азербайджане. Нет никаких оснований предполагать, что Азербайджан может обеспечить наличие на своей территории военно-разведывательных баз двух стран, находящихся во враждебных отношениях, свидетельством чему стала реакция Исламабада на действия Тель-Авива в Иране и Газе, а также оказанная еврейским государством военная поддержка Индии в связи с событиями вокруг Кашмира. В условиях, когда Израиль уже обладает своими скрытыми базами в Азербайджане и имеет доступ практически ко всей военной инфраструктуре Азербайджана, говорить о допуске пакистанцев не представляется возможным, тем более когда речь идет об их ядерном арсенале. Участие израильтян и пакистанцев в Карабахской войне 2020 года не может считаться основанием для консенсуса относительно обоюдного военного присутствия в Азербайджане, поскольку тогда обе стороны специализировались на совершенно разных элементах ведения боевых действий против армян и преследовали собственные, непересекающиеся интересы участия в антиармянской военной кампании.

Заключение: Стратегическое принуждение и пантюркистская проекция

Таким образом, заявление Э. Намазова об уже принятом решении Баку в короткие сроки основать у себя турецкую базу с точки зрения *realpolitik* не выдерживает критики. Скорее это организованный азербайджанскими властями «вброс» с целью шантажирования Москвы и проверки ее реакции. Вместе с тем, это не означает, что Ильхам Алиев и его команда на критическом этапе азербайджано-российского кризиса не постараются вывести в практическую плоскость как минимум «турецкую компоненту» подобного плана. В перспективе это достаточно реалистичный сценарий, если тенденция ослабления России как в плане внутренней безопасности, так и сдачи позиций на международной и геополитической арене на определенной стадии заставит Турцию действовать более решительно и радикально. Вопрос совместимости

турецкого и израильского присутствия в Азербайджане в условиях продолжающегося турецко-израильского противостояния в Сирии – вопрос отдельного анализа.

Между тем, в своем заявлении Э. Намазов озвучил еще одну мысль, на которую, как ни странно, менее всего обратили внимание комментирующие его выступление политики и эксперты из России. Между тем, именно она являлась ключевым сигналом Баку, направленным уже не только и не столько Москве. Речь идет о словах Э. Намазова о том, что турецкая база в Азербайджане сможет *«обслуживать население в 250 миллионов человек»*. Дело в том, что озвученная им цифра в точности совпадает с периодически оглашаемыми пантюркистами оценками численности этнических тюрков, которые должны со своими землями стать частью будущего объединения «Туран». Речь идет как о населении Турции, Азербайджана, центральноазиатских стран, так и об уйгурах, иранских и кавказских тюрках, башкирах, татарах и других тюркоязычных народностях России. Этот нюанс в заявлении Э. Намазова в корне меняет смысловую нагрузку его заявления, представляя планы по созданию турецкой базы не как вынужденную меру по защите Азербайджана от России, а как решающий шаг к становлению «Турана», основой которого должна стать объединенная военная сила под началом Турции. Следовательно, заявление можно считать сигналом о старте программы по началу военной экспансии Турции на Восток. И теперь уже не важно, последнее ли обострение российско-азербайджанских отношений станет поводом к практическому созданию так называемой *«Армии Турана»*, или это обострение, из-за пока еще неготовности Турции, будет в очередной раз сглажено, и новый повод появится тогда, когда Анкара уже сочтет нужным действовать радикально.